

– Я хочу пройти по жизни, как по воде, – сказала мне Женя З. несколько торжественно.

– ?

– Не оставить следов. Ни на чём, ни в ком.

– А близкие?

– Ну что память эта? – сплошное мучение, будут вспоминать, маяться. Нет уж, не хочу.

Я удивилась. У меня-то всегда был некий страх перед этой чёрной бездной, где всё исчезает бесследно, безымянно... А Лида?

С момента её гибели я не то что живу и думаю за неё, но всё время на неё как бы оборачиваюсь. Как она? Лида очень часто говорила что-нибудь своё, что и не придумаешь. Наверное бы засмеялась и сказала: «Что это Вы, Рита, всё о смерти, да о смерти, давайте лучше про жизнь».

Это у неё получалось замечательно: жизнь. Мало видела людей, которые были бы настолько живы, каждую свою минуту. Полнота думания и чувствования, колоссальный интерес, аппетит к жизни. И ещё особенно привлекал ясный ум, именно ясный. Когда она говорит, часто размышляя «по дороге» (мысль тут же рождается или оттачивается-обкатывается) – ощущение, что смотрел в мутное стекло, а теперь его протёрли и всё отчётливо, краски яркие, верные.

Не могу сказать: мы дружили с Лидой. Это, наверное, называется как-то иначе. Очень хорошо помню, как мы познакомились.

Было это у Оли Кисляковой, кажется на её дне рождения. (Наверное так, иначе почему бы это быть Лиде среди нашего «староотдельского» народа). Потом я уже узнала, что Лида, стеснявшаяся идти в чужие люди, пришла отчасти и «на меня». Я тогда работала уже примерно с год у Белоногова. Он тогда входил в силу, получил отдел, в который угодил Лидин сектор и, конечно же, ей интересно было повычислять будущую новую жизнь.

Лида мне понравилась просто очень. Всё схватывает мгновенно, ясно и выразительно говорит, а главное, откровенность, открытость какая-то особенная, граничащая как бы с неприкрытостью, но до неё не доходящая, никогда не переходящая той грани, за которой чересчур, слишком. И внешность, и голос удивительные. Немножко выпевает фразу, раскачиваясь на гласных. Маленькое лицо (или голова) на крупном русалочьем теле, смешные кудри штопором и замечательные светлые глаза. На лице почти постоянная улыбка. Часто такая улыбка – прикрытие, защита: «не тронь меня, видишь, я улыбаюсь», а у Лиды совсем другое: «мне очень всё интересно, мне интересно жить».

Потом я увидела Лиду, когда состоялся, наконец, наш переезд на Балтийскую, и все были немножко сдвинуты от перемены места и жизни. Прежний отдел не собирался освобождать свои комнаты, дело тянулось чуть ли не месяцы, и Белоногов, со свойственной ему решительностью, вдруг за один день вытащил за дверь мебель бывших хозяев и водворил нашу. Въездная суматоха, суета, лица наших новых сотрудников ещё не обозначились, но Лену Ксенофонову я увидела и запомнила. Приветливый доброжелательный человек, спокойный, уравновешенный. Вдруг, вижу, идёт по коридору, буквально заливаясь слезами.

– Что случилось?

– У Лидочки Кнориной отец погиб!

Лида появилась через несколько дней. Ходила как слепая, натыкалась на коридорную мебель. Не знаю, почему она всё-таки приходила, может быть ей так легче было, а может Пащенко умоляла её не гневить новое начальство. Тогда я так и не подошла к ней, не решилась. Потом уже Лида очень много рассказывала мне об отце, Владимире Яковлевиче Барласе, о своих с ним отношениях. Она вообще очень часто о нём говорила. Ей хотелось, чтобы память о нём осталась, хотелось доделать всё, что он не успел. Она за него и его доклад о Пастернаке читала. Кажется, это было зимой 86 года (?) у Серёжи К. Народ там собрался совсем молодой. Оказалось, Лида прекрасно читает стихи. И как раз этими же днями в доме моих друзей один из их гостей вдруг целый вечер проговорил о Владимире Яковлевиче. Они были соседями по дому на Д.Ульянова, он его любил и говорил с большим подъёмом. А ещё он же, Михаил Каплун, рассказал очень красочную историю Владимира Яковлевича и Евтушенко, но просил не распространяться... Лида говорила, конечно, о совсем другом.

– Это всё папа, всё отец, он меня сделал совершенно другой. Я была такая, вся закомплексованная, он меня навсегда расколдовал, я ему очень обязана: он меня научил ничего не бояться, и теперь я мало чего боюсь. Нет, правда! – и смеётся, сияя длинными морщинками от смеха.

Для меня каждая встреча (сейчас говорят «контакт») с Лидой была праздником. Не в том смысле, что радость (это тоже бывало), а в том, что не-будни, перерыв в обыденном. То, чем Лида занималась, было необыкновенно интересно само по себе, но ещё у неё был дар увлекать-вовлекать. Довольно скоро я, немолодая и вполне зрелая, с некоторым удивлением и неловкостью

даже, почувствовала, что мне хочется быть Лидой. (Вот уж чего не хотелось никогда в жизни: быть кем-то, походить на кого-то. Не из высокомерия, а просто, ну никогда этого не случилось).

Обычно я, проходя мимо их комнаты, прислушивалась (да Лидин высокий голос с его необыкновенными модуляциями и через стенку был слышен). Ага! Лида рассказывает про Валеру и про коней. Если войти, она немного застесняется и прекратит (почему-то Лида мне про Валеру и коней тогда не говорила. Позже – но позже уже коней не было, были эти разнообразные собаки). А вот теперь тихо, Лида, наверное, одна. Конечно, у меня полно дел, а у неё-то!... Но уж очень... очень интересно.

Вхожу – так и есть. Лида одна. Печатает. Увидела и вроде обрадовалась: «Садитесь-садитесь, я сейчас, минуточку...» и потом о Ньюtone. То есть ещё до Ньютона было много всего. Но что? Удивительно, что не помню. Ведь ходила же на все семинары и конференции с Лидиными сообщениями, на всё ходила. Было не просто увлекательно, или интересно – часть жизни составляло. Потом неожиданная её работа о Ньюtone. Ньютон, долгая жизнь, столько событий, тут и Кромвель и всё на свете. Общался с Локком, увлекался алхимией, склонялся к арианству, возможно и каббала... Не помню, прочла ли Лида каббалу, помню она тогда её пыталась найти. Всё вздыхала: так это всё интересно, так хочется этим заняться вплотную, но в этом же завязнешь, утонешь, на это жизнь надо положить, а у Лиды было своё – лингвистика.

Мне особенно нравилось, что тут для неё пустяков не существует, всё важно, любая частность. Молодёжно-хипповый сленг, «Аквариум», и вообще тексты Гребенщикова, и почему, уступая место, москвичи говорят «садитесь», а в других городах: «присаживайтесь», и почему на Украине плывёт значение слова «добрый» («добрый» там часто употребляют вместо «радушный», «хлебосольный»). А из Одессы я привезла для Лиды смешную историю про словечко «лиштва». Так и не знаю, что сказала бы про это Лида. Наверное, что-нибудь неожиданное, то, что не придумаешь. Иногда она говорила как-то очень впопад, умно и точно. Как-то раз она меня прямо на лопатки уложила, с Берном (каламбур нечаянно получился, ну не буду уж черкать). Я тогда только что прочла «Что мы хотим сказать, когда говорим «здравствуйте»* и очень долго Лиде всё это пересказывала-рассказывала. «Транзактный анализ, что же это такое?» – задумалась Лида.

– Не понимаю, – говорю, – в чём фокус, но факт, это работает, да ещё как.

– Это так: собираются вместе люди, – медленно думала-проговаривала Лида, – их учат общаться на новом для них языке. Этот язык – без оценок. У нас на всё – жёсткая сетка, каждый её узел перехвачен. В каком-то месте ты обязательно оказываешься хуже, а тут этого нет. Нет лучше-хуже. Человек избавляется от комплексов, никто не плохой, никто не хороший.

(Я думаю, что Берн к этому не сводится, но это есть, и это очень важная часть транзактного анализа).

Ещё у Лиды была такая способность – очищать. Ну, может, это слишком пышно, ну, высветлять, что ли всё, обстановку, ситуацию, разговор да и собеседника. Конечно же были закалённые, которые на Лиду так не реагировали, но некоторые (Валя Гаврилова, я) – очень даже. Мне довольно долго казалось, что Лидина доброжелательность, а иногда и прекраснодушие покоится на том, что она не видит людей, и как же приятно было понять, что я ошибаюсь! Как-то после одного идиотского отдельского собрания, после которого мы обе были раздёрганы и собой недовольны (Лида тогда говорила, что её целью было выйти с этого собрания без неприятного чувства, но это ей не удалось, было ощущение вины перед Белоноговым) мы, обсудив с ней происшедшее, вдруг занялись тем, чем никогда не занимались: «перемысливанием костей». И тут я увидела, что Лида видит всех абсолютно чётко и ясно, все извивы-изгибы близких-окружающих. Видит, а дальше – очень интересно – на том месте, где я сужу-морщусь, у неё тихое-спокойное: да вот так, что ж, человек сложен... и только.

Широта души, ум, ясный и зоркий, тяга к гармонии, яркое чувство юмора – ну кто из знающих Лиду не скажет, что эта обойма имеет к ней прямое отношение? И какое потрясение было понять, что всё это некий внешний слой, поверхность, а за этим целый океан настоящий, с настоящими пучинами.

Было это у нашего с Лидой общего знакомого Вадика Коневского. Он меня вдруг спросил: «А Вы знаете, что Лидия Владимировна песни сочиняет и их поёт? Да вот, приходите, я некоторый народ у себя собрал. Л.В. петь будет». Какой там народ собрался Лиду слушать – не помню, всё это было не важно. Лида запела. Верный слабый голос, парадоксы песенок-сказок и «я». Маленький театр. «Я туфли эти разбила и стала ходить босая». Каждая песня – новая Лида. Не набор масок – перебор ипостасей.

У меня дважды в жизни было это чудо: знаешь человека давно (думаешь, что знаешь) и вдруг открывается нечто, чему не подобрать имени-названия. Душа, наверное.

В тот, другой раз это была мелькнувшая прекрасность, а с Лидой – ощущение каких-то очень запутанных, перекрещивающихся, может быть, дорог, ведущих куда-то вглубь, и от этого тревога, беспокойство, смута даже.

«Вам понравилось, нет, Вам правда понравилось?» – спрашивала всех Лида. Это было первое её публичное (для чужих) выступление и ей было не по себе. «Не то слово!» – сказала я, и с тех

пор Лида часто говорила: «А я новую песню написала, хотите послушать?» И мы выходили к коридорному окошку, курили, Лида пела... Я не могу видеть маленькую книжку её стихов-песен. К её портрету в ней я привыкла, приучила себя, он у меня дома стоит, а вот книжку... не говоря уж о кассете...

Конечно, я для Лиды была слишком сумасшедшей, не чтоб уж совсем, но как-то не того, со сдвигом, а Лиду очень притягивали уравновешенность, нормальность, гармония. Очень, по-детски даже, любила всё красивое. Помню Лидин рассказ (я сидела у Лиды в комнате не одна, большое было общество) как они плохо жили, бедно, а потом получилось изменение жизни, «богатство», и тут Лида купила красивую горку и очень красивые чашки. Сидела, смотрела и думала: неужели это у меня такая красота.

А я слушала её и думала, ну до чего же свободный человек, нет у неё «от сих – до сих», «полагается – не полагается». На самом деле, я думаю, это не совсем так. Конечно, она была много свободнее многих, но это был результат её большой внутренней работы. Работа и была уже проделана и постоянно продолжалась. Во всяком случае те люди, которые были свободны изначально, органически, приводили её в восторг. Не только люди, все виды и степени свободы. Какой она вернулась из Израиля, в тот, первый раз! Вся сияла и что-то новое в ней появилось. Тут же поймала меня за руку: «Рита! Там такое не носят (юбка в складку), там носят свободное!» И дальше с таким упоением о стране, о людях, о том как при самой большой доброжелательности никто там никому ничего не навязывает, ни во что не вмешивается, а это часто принимают наши олим за бессердечие и равнодушие, что совсем не так. И с таким восторгом о своей родственнице «совершенно замечательной». Какая живая и свободная. Как живёт, как говорит, как шутит. И как у них с мужем погиб на войне единственный их сын, а она жива, в полном смысле слова, жива, и как она никому ничего не навязывает: «У её мужа плохо со здоровьем, а он ест, ну, не очень разумно. Я так остороженько: может быть не стоит то–это... а она смеётся: он уже довольно большой мальчик, он уже сам знает, как ему быть».

Израиль вообще стал переломом в Лидиной жизни. Одна история с ивритом чего стоит. «Я жил в Кишинёве, у меня не было света, газа, воды. Теперь я живу в Тель-Авиве, у меня есть свет-газ-вода и кондиционер». Ну что за ерунда! Это из учебника иврита. Они такие скучные! Я подумала, а почему бы Библию не взять, и не учить иврит по Библии».

И Лида взяла Библию. Тут на каждой странице буквально открытия. «Стою перед лицом господя». Очень красиво, но перед лицом – это просто предлог перед или «напротив», «насупротив». Так у Лиды появилась мысль сделать лингвистический комментарий к Библии. «Ну как Вы думаете, это ужасное нахальство?» Я смутилась и сказала, что так. Ведь если все книги по Библии сложить в стопку, небось, до Монблана доберётся, неужели же нет лингвистического комментария к Библии ... – Да вот, представьте, нет, как будто...

Дальше – Лида-гебраист, Лида преподаёт в Университете, но это я плохо знаю. Меня уже не было ни так, ни сяк: на меня обрушилось то, чего освоить я не могу до сих пор (5 лет прошло).

И тут тоже Лида. Очень помню, как вдруг впервые после похорон Дани, сына моего, пришла в институт и увидела Лиду (может быть, Лида приходила раньше, может быть, была на похоронах, не знаю, не помню). Бодрым ясным голосом Лида мне говорила странные слова: «Пустяки, Рита, всё скоро пройдёт, Вы же сами знаете, неделя-другая...» Я посмотрела на неё внимательно, в уме ли она? Как будто, да. И тут вдруг произошло чудо: та глыба, под которой я барахталась, приподнялась, хлынул воздух, свет, мне стало легко, свободно, радостно, и это продержалось несколько часов (потом глыба, конечно, рухнула снова). Так до сих пор и не знаю, что это было. Чудо. Глоток жизни.

Вообще ходить «на работу» было тогда пыткой. Я или часами сидела перед терминалом, пытаюсь скроить модули на неизвестном мне СИ, или уходила к себе в комнату (ремонт, слава Богу, я была одна). Видеть могла только Лиду, только Лиду я могла слушать и понимать, что она говорит. Я не то, чтобы возвращалась с ней к жизни, нет, но я при ней могла существовать. Как-то Лиде пришло в голову вытащить меня в театр. Это была пьеса Володина. Голгофа. Распятие. Страдания Марии. Это было зря. Душевная боль достигла такой силы, что сердце начало без дураков рваться (жгучая острая боль разреза-разрыва). О смерти я мечтала, но как ни смешно, стыдно было подложить Лиде такую свинью, ну и сдерживалась (предотвратить и даже прекратить–прервать инфаркт я умею).

Дальше я жила в Одессе, с Лидой почти не виделась и всё-таки один раз Лида ухитрилась меня спасти. Позвонила мне в тот момент, когда лапки той лягушки, что сбивала масло, попав в кувшин молока, опустились, и я превратилась в ту, вторую лягушку, которая опускается на дно. Лида позвонила точно в тот момент, когда пара минут, и всё было бы уже необратимо. И опять – чудо: лапки дёрнулись и заработали. Я постеснялась сказать: «Лида, Вы спасли меня» и Лида так об этом и не узнала. А Лида, вот, мне сказала эти слова через пару лет 3-го (?) июня. Она сказала: «Рита, вы спасли меня уже один раз, может, думаю, и во второй поможете, вот я Вам и звоню. Понимаете, абсолютно ненужно жить. Незачем. Понимаете? Совершенно это не нужно и очень скучно. Скучно так, что сил нет. Мне никто не нужен и я никому не нужна...»

– Ну как это?! А Володя, Валера, мама...

– Ну да, конечно, они-то думают, что я им нужна, но это они просто думают, а на самом деле нет.

– Да Бог с Вами, Лида, это самая-самая реальность.

– Вы думаете?

– Уверена.

– Вот все так скажут, но всё неправда. Просто Вы мне так помогли, так вытащили тогда, вот я и подумала, что может и сейчас скажете не то, что все.

– Да как я Вас спасла? Я ведь и не знаю.

– Ну, в том нашем разговоре.

Тот разговор был после лидиной больницы. Лида мне позвонила и мы долго говорили по телефону. Я понимала это так: Лиду в острый психоз загнал непосильный выбор между Володей и Валерой. Почему-то ей казалось, что она должна выбрать с кем ей быть. Я совсем не уверена, что это так, но тогда мне так казалось. Не знаю почему, по какому-то наитию, я тогда на неё прямо-таки напала совершенно очертя голову. Я не имела права это делать, тем более по телефону, но так было.

– Да перестаньте Вы мучиться, у Валеры, конечно же, в Вас нужда, кто спорит, но это сиюминутная нужда, она пройдет, а Володе Вы хребет переломаете, если уедете.

– Рита, – Лида очень поражена, – я была уверена, что Вы, именно Вы, скажете наоборот. (Я знаю эту Лидину особенность – преувеличивать, чтоб приятней, но сейчас чувствую, что это не то, ей всерьёз важно). Не знаю, что на меня нашло, но я тут произнесла целую тираду и даже уверяла её, что она только будет мешать Валериному становлению, взрослению и пр.

– Лида, но Вы понимаете, что это у Вас просто состояние?

– Нет, не понимаю.

– Ще молода дітина, нічого не розуміє... Это состояние – и ничего больше. Я знаю. У меня сколько раз было. Я умею снимать. Я приеду к Вам.

– Сейчас?

– Ну да, а хотите завтра, в субботу?

– Завтра? Не знаю. Мама приедет. Надо как-то держаться будет, у меня на это все силы уходят...

– Так что, сейчас? (Сейчас ехать мне очень сложно, одно неотложное дело, некогда. Лида это ловит)

– Ну хорошо, завтра...

Весь день думаю: надо позвонить Володе, сказать, что очень опасно, и обрываю себя: а то он без меня не знает! И всё-таки звоню к вечеру.

Трубку берёт Лида.

Тут я ей объясняю про кипяток. Как сделать гидроудар. Выпить чайник. Обязательно поможет.

Лида слабо смеется.

Вот и всё.

* Позднее эта книга вышла в русском переводе под заголовком «Люди, которые играют в игры».

Текст напечатан в книге «Жизнь прекрасна и беспощадна В. Барлас – Л. Кнорина». Составитель Т. Барлас. М. «Готика». 1997.